

лектах превосходную степень сравнения ККС не выражают и употребляются только для выражения сравнительной степени. Так же в вах-васюганском диалекте восточной группы отсутствует наречие со значением «самый», которое есть в остальных восточных диалектах (mata) и в северных диалектах (met).

Таким образом, о всех диалектах хантыйского языка в роли СВПП могут выступать: 1) прилагательные закрытого класса; 2) форма основного па-

дежа имени существительного в препозиции к определяемому имени; 3) именные основы, оформленные суффиксами, указывающими на атрибутивное значение получившихся образований (суффиксы *-η* (повс.), *-i/-i* (повс.), *-əw* (вост.) / *-əp* (сев.-вост., северн.) / *-pi* (северн.), *-ləy* (вах.-вас.) / *-ləy* (сев.-вост., кроме сал.) / *-tə* (сал., низ.) / *-li* (северн., кроме низ.)); 4) причастия. Употребление данных частей речи в роли СВПП обнаруживает сходство во всех диалектах хантыйского языка.

Литература

1. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Хантыйский словарь (шурьшкарский диалект). Л., 1985.
2. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
3. Молданова С.П., Нёмысова Е.А., Ремезанова В.Н. Хантыйский словарь (казымский диалект). Л., 1988.
4. Steiniz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin.
5. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961.
6. Gulya J. The Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
7. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
8. Karjalainen K.F. Karjalainens Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
9. Хантыйские народные загадки. СПб., 1997.

Принятые сокращения

аг. – аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; берёз. – берёзовский диалект северной диалектной группы; вас. – васюганский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах. – ваховский говор вах-васюганского диалекта восточной диалектной группы; вах-вас. – вах-васюганский диалект восточной диалектной группы; вост. – восточная диалектная группа хантыйского языка; каз. – казымский диалект северной диалектной группы; обд. – обдорский диалект северной диалектной группы; повс. – повсеместно; сал. – салымский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; сев.-вост. – северо-восточная подгруппа восточной

диалектной группы; северн. – северная диалектная группа хантыйского языка; сург. – сургутский диалект восточной диалектной группы; тр.-юг. – тромюганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-аг. – усть-аганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; у.-юг. – усть-юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы; шерк. – шеркальский говор средне-обского диалекта северной диалектной группы; шурш. – шурьшкарский говор берёзовского диалекта северной диалектной группы; юг. – юганский говор сургутского диалекта восточной диалектной группы.

А.В. Есипова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЮРКСКОГО СЛОВА: ПРОИЗВОДЯЩАЯ ОСНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ШОРСКОГО ЯЗЫКА)

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

Словообразование относится к недостаточно изученным разделам шорского языкознания. Несмотря на то, что первые сведения об образовании имен и глаголов в шорском языке были опубликованы еще во второй половине XIX в., описания словообразования как языковой системы нет не

только в шорском языке, но и во всех тюркских языках Сибири, а также в большинстве тюркских языков мира.

Первая работа, в которой затрагивались вопросы шорского словообразования, появилась в 1869 г. В ней представлены 36 словообразовательных аф-

фиксов, которые участвуют в производстве слов шорского языка [1, с. 20–29]. В *Грамматике шорского языка*, вышедшей в 1941 г., Н.П. Дырленкова приводит 49 аффиксов, служащих для образования имен и глаголов, и называет основные значения некоторых из них [2, с. 27–35, 141–145]. В очень ограниченном объеме шорское словообразование рассматривается также в учебной литературе, подготовленной сотрудниками Новокузнецкого государственного педагогического института (ныне КузГПА – Кузбасская государственная педагогическая академия) [3–7]. Эта же тема является объектом исследования четырех небольших по объему статей С.П. Тимониной. Ее работы посвящены описанию способов выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка, анализу значений некоторых аффиксов имени действующего лица, а также исследованию структуры и семантики сложных имен в шорском языке [8–11]. Словообразовательная тематика представлена и в работе Г.В. Косточакова *Историко-лингвистические исследования шорской антропонимии* [12, с. 9–12], где вторая глава посвящена структурно-семантическому анализу названного пласта шорской лексики. В 1999 г. вышло учебное пособие И.В. Шенцовой *Словообразование в шорском языке*. В нем в сжатой форме излагаются основные положения общей словообразовательной теории, иллюстрируемые шорскими примерами, и предлагаются практические задания для самостоятельной работы [13].

Как показывает анализ перечисленных выше работ, несмотря на значительный период времени (более 130 лет), в течение которого поднимались отдельные вопросы образования слов в шорском языке, полного и системного описания словообразовательных процессов шорского языка не существует.

В последнее десятилетие предпринимается попытка описания словообразовательной системы шорского языка. В русле этого подхода А.В. Есиповой опубликовано 17 [см., например, 14–26] и сдано в печать 5 статей. Данная публикация продолжает серию этих статей и посвящена рассмотрению одного из компонентов словообразовательной структуры слова – производящей основе, анализу ее структуры и значения в тюркских языках на базе шорского языка.

Часть морфологической структуры слова без морфологических показателей составляет словообразовательную структуру слова. Словообразовательная структура слова завершается словообразовательным аффиксом, вызывающим изменение значения первичного или вторичного корня. Например, в слове аймак=чы=лар=ыбыс=таң=заар (Силер аймакчыларыбыстаңзаар ба? ‘Вы из наших гостей?’) словообразовательная структура заканчива-

ется аффиксом =чы, образующим имена со значением деятеля: аймакчы ‘гость’ от аймак ‘селение’, а в словах таш=та=па=д=ылар ‘они не бросили’ и таш=та=б=ыс=ча=м ‘я (неожиданно, быстро) бросаю’ – аффиксом =та, служащим для производства глаголов от именных основ: ташта= ‘бросать’ от таш ‘камень’.

Словообразовательная структура слова включает производящую основу и словообразовательный аффикс (или аффиксы). Например, эш=ки=чи ‘гребец’ от эш=ки ‘весло’, образованного от глагола эш= ‘грести’. Слово эшкичи содержит два словообразовательных аффикса: =ки и =чи.

Производящая основа – это та часть слова, к которой присоединяется словообразовательный аффикс. Она не совпадает с морфологической основой слова, которая включает словоизменяемые аффиксы. Производящая основа является составной частью морфологической основы слова и совпадает с первичным или вторичным корнем. Первичный корень – это основная морфема в структуре слова. Она является носителем лексического значения, не изменяется в процессе морфологической деривации и остается после устранения всех словоизменяемых и словообразовательных элементов. Под вторичным корнем понимается производная основа, значение которой складывается из суммы значений, составляющих ее морфем, корневой и словообразовательной. Так, в словоформах аймак=чы=лар=ыбыс=таң=заар и таш=та=б=ыс=ча=м морфологическими основами являются аймак=чы=лар=ыбыс и таш=та=б=ыс=ча, а производящими основами – аймак ‘селение’ и таш ‘камень’. Данные основы представляют собой первичные корни, так как не содержат словообразовательных аффиксов. Примером вторичного корня служит производящая основа эшки ‘весло’ в слове эшкичи ‘гребец’, состоящая из корня эш= и словообразовательного аффикса =ки.

Производящая основа имеет план выражения и план содержания. План выражения соответствует структуре производящей основы, план содержания – ее лексическому значению.

1. Структура производящей основы

По структуре производящие основы делятся на синтетические и аналитические, производные и непроизводные, простые и сложные. Рассмотрим более подробно названные структурные разновидности производящих основ.

1.1. Производящая основа бывает *синтетической* или *аналитической*.

Синтетическая производящая основа не организована как словосочетание, а состоит из одного слова и является непроницаемой, например, пас=пак ‘каменная терка’ от пас= ‘давить’, ачык=чы ‘охотник’ от ачык ‘охота, промысел’, серки=ш=чи

‘плясун, танцор’ от серки=ш ‘пляска, танцы’ → серки= ‘плясать, танцевать’, қараташ=чы ‘шахтер’. В данных словах мы видим синтетические основы¹, так как они состоят из одного слова, которое является простым – пас= и ачық, производным – серки=ш или сложным словом – қараташ, образованным от определительного сочетания қара таш ‘каменный уголь (досл.: ‘черный камень’)’.

Аналитическая производящая основа состоит из нескольких составляющих (как правило, двух), которые семантически и функционально равнозначны одному слову, например, толап ал=ачы (к.) ‘искупитель’ от толап ал= → тола= (к.) ‘выкупить, искупить’.

Синтетическая основа слитно выражает комплекс значений, которые в аналитической основе выражаются расчлененно, т.е. синтетизм основы проявляется в передаче одним компонентом комплекса значений, выражаемых в аналитической основе несколькими компонентами. Сравните, например: уғ=аачы и сбе уғ=аачы ‘послушный’.

Отношения между компонентами аналитической основы могут быть: а) неидиоматическими (когда значение основы вытекает из суммы значений ее составляющих) и б) идиоматическими (когда значение основы не равно сумме значений ее компонентов). Сравните, например: мал қада=чы ‘пастух’ от мал ‘скот’ и қадар= ‘пасти’ с сағышқа қал=аачы ‘старательный, заботливый’ от сағышқа қал= ‘заботиться (досл.: ‘в мыслях остаться’)’. Если значение первого производного мал қада=чы ‘пастух’ однозначно выводится из значения его составляющих мал ‘скот’ и қадар= ‘пасти’, так как пастух – это человек, пасущий скот, то во втором производном такой однозначности нет: вполне возможно предположить, что сочетание сағышқа қал=аачы означает ‘(человек), остающийся в мыслях, т.е. задумчивый человек’, а не ‘заботливый; старательный (человек)’, как это есть на самом деле.

Аналитические основы организованы как словосочетания. Перестановка их компонентов невозможна, но иногда они допускают включение частиц. Например:

Шор. Чөпке ле кир=еечи кижилерди алар керек. ‘Только покладистых людей брать (на работу) нужно’ (АЛ).

В сочетании чөпке кир=еечи ‘покладистый, уступчивый’, образованного от аналитического глагола чөпке кир= ‘уступать’, вклинилась частица ле ‘только’.

1.2. Производящая основа может быть *производной* или *непроизводной*.

К *непроизводным* основам относятся основы, состоящие только из корня слова или его части. Не-

производная основа часто выражается автономным словом. Данное слово может быть: 1) корневым, 2) производным с исторической точки зрения (т.е. неразложимым на значимые морфемы на современном этапе развития языка) или 3) заимствованным из неродственных языков. Например: 1) иш=чи ‘рабочий’ от иш ‘работа’, күш=тиг ‘сильный’ от күш ‘сила’; 2) пулан=ак ‘лосенок (детеныш лося)’ от пулан ‘лось’, чыбран=ак ‘детеныш суслика’ от чыбран ‘суслик’, пүүн=гү ‘сегодняшний’ от пүүн ‘сегодня’; 3) санке=чек ‘саночки’ от русск. санки.

В словах иш=чи ‘рабочий’ и күш=тиг ‘сильный’ производящая основа совпадает с корнем слова: иш ‘работа’ и күш ‘сила’. В словах пул=ан=ак и чыбр=ан=ак производящие основы исторически были производными. Они сложились путем присоединения аффикса =ан, видимо, служившего для образования названий животных, к основам **пул** и **чыбр**. В современном шорском языке выделенные корни ничего не значат, т.е. в настоящее время анализируемые основы **пулан** и **чыбран** нельзя расчленить на значимые морфемы, следовательно, они являются непроизводными.

Производящее пүүн ‘сегодня’ образовано путем сложения слов по ‘этот’ и күн ‘день’: по+күн > по+гүн > пө+гүн > пү+гүн > пүгүн > пүүн. Развитие языка привело к слиянию компонентов словосочетания, и теперь в нем не выделяются значимые элементы, т.е. и основы, подобные этой, следует считать непроизводными.

С точки зрения языка-источника, заимствования включают как непроизводные, так и производные слова, однако в заимствующем языке обе эти структурные разновидности слов воспринимаются как неделимые. Например, в производном санке=чек ‘саночки (т.е. маленькие сани)’ исходной основой является русское слово *санки*. Оно состоит из корня «сан», суффикса «к» и окончания «и». В шорском языке слово *санке* (от русского *санки*) считается нечленимым, поэтому словообразовательный аффикс =чек следует за окончанием «и», видоизменившемся в «е» согласно фонетическим законам.

К *производным* относятся основы, состоящие из корня и словообразовательного аффикса, а также основы, являющиеся сложными словами.

Например: пажа=ачы ‘руководитель, глава, вождь’ от паж=а= ‘начинать, приступать’ → паш ‘голова’; чайқал=чак ‘качающий’ от чайқа=л= ‘качаться’ → чайқа= ‘качать’; сабырт=қыш ‘веялка (механизм, предназначенный для веяния, приводящийся в действие ветром, т.е. механизм, который ветер заставляет работать)’ от сабырт=т= ‘заставить веять’ → сабырт= ‘веять, дуть (о ветре)’; тебирчол=чы ‘железнодорожник’ от тебир чол ‘железная дорога’.

¹ В данном исследовании термин «основа» употребляется только в одном значении – как эквивалент термина «производящая основа».

В приведенных примерах производящие основы паж=а=, чайқа=л= и сабыр=т= состоят из корня и аффикса, т.е. являются аффиксальными, а последняя основа выражена сложным существительным тебирчол.

1.3. Производящая основа может быть *простой* или *сложной*.

Простая основа включает один корень, *сложная* – несколько корней (как правило, два). Простыми являются корневые и аффиксальные основы. Сложными считаются основы, представляющие собой сложные слова. Сравните, например, слова, образованные от простых основ: тōш=тūк ‘передник’ от тōш ‘грудь’, õз=ўм ‘рост, всхожесть’ от õс= ‘расти’ и ағыс=па ‘невод’ от ағ=ыс= ‘заставить течь’ → ақ= ‘течь, плыть (непроизвольно)’, со словами, образованными от сложных основ: каантегри=чи ‘астроном’ от каан тегри ‘небо, космос (досл.: ‘хан небо’)' и таш көбүр=чи ‘угольщик’ от таш көбүр ‘каменный уголь’.

1.4. Производящая основа может представлять собой «*свободный*» или «*связанный*» корень.

«*Свободный*» корень способен функционировать без словообразовательного аффикса, а «*связанный*» – без словообразовательного аффикса употребляться не может. Например: аң=нык ‘сеть на соболя’ от аң ‘зверь’, шачылан=чык ‘вспыльчивый; склонный дуться, сердиться’ от шачылан= ‘сердиться, дуться’. Как показывают примеры, основы аң и шачылан= обладают собственным лексическим значением и, естественно, могут употребляться самостоятельно, следовательно, представляют собой свободные корни.

Связанный корень мы видим в словах чажыт ‘тайна’, чажыр= ‘прятать’, чажын= ‘прятаться’. Хотя данные слова семантически мотивированы, «этимологический корень *чаиш ~ чажы в свободном виде в шорском языке не встречается (корень чаиш ‘возраст’, ‘молодой’, ‘жизнь’ омонимичен рассматриваемому)» [13, с. 24].

2. Мотивирующая основа

Термином «мотивирующая основа» обозначается план содержания производящей основы, т.е. ее лексическое значение. Носителем лексического значения слова является, как известно, его корень. В шорском языке, как и в русском, по семантическому признаку можно выделить четыре типа корней:

1. Корни с предметным значением (таш ‘камень’, таш=тыг ‘каменный’, таш=та= ‘бросать’).

2. Корни с процессуальным значением (ақ= ‘плыть (непроизвольно); течь’, ағ=ын ‘проточный, быстрый (о воде)’, ағ=ыш ‘течение (реки)’, ағ=ыс= ‘сплавлять (лес)’).

3. Корни с признаковым значением (ақ ‘белый’, ағ=ар ‘белеть’, ақ=тыг ‘честный’).

4. Корни с количественным значением (ийги ‘два’; ийги=ле ‘сомневаться’; ийгиле=ш ‘сомнение,

нерешительность, неуверенность’; ийгилеш=тиг ‘сомнительный, нерешительный, неуверенный’).

Мотивирующая основа, выраженная автономным словом, называется мотивирующим словом. Мотивирующее слово важно не только для формирования лексического значения образованного от него нового слова, но и для выделения словообразовательного аффикса. Так, для выявления словообразовательного аффикса в слове қазағаны ‘укол’ без установления мотивирующего слова не обойтись. Учитывая, что шорский язык относится к языкам с правосторонней агглютинацией и, следовательно, имеет прозрачный морфемный состав, вполне возможно было бы предположить, что производное қазағаны ‘укол’ состоит из следующих морфем: корневого – қаза= ‘втыкать, вонзить’, формообразовательного – =ған и словообразовательного – =ы. Это означало бы, что производное қазағаны ‘укол’ образовано от производящего қаза=ған ‘уколовший’. Однако из слова «уколовший» трудно вывести значение слова «укол». Очевидно, что формальный подход к выделению производящего и к вычленению словообразовательного аффикса привел бы к выявлению ложных связей. Опора на содержание дает другую картину, которая и соответствует действительности. Производное қазағаны ‘укол’ мотивировано не причастием қазаған ‘уколовший’, а глаголом қаза= ‘втыкать, вонзить’, так как оно означает результат произведенного действия, т.е. называет «то, что является следствием укалывания/вонзания», а именно, «укол».

Значение производного қазағаны ‘укол’ складывается из суммы значений трех составляющих. Можно подумать, что такими составляющими являются значение корня, значение формообразовательного аффикса и значение словообразовательного аффикса, т.е. «название действия» + «динамический признак» + «то, что ...». Однако в действительности в результате координации значений формо- и словообразовательного аффикса формообразовательный аффикс утрачивает значение «динамического признака» и сохраняет только значение «характеристики действия по его завершенности». Как было показано ранее [21], значение «характеристики действия» является словообразовательным. Следовательно, значение производного равно сумме одного лексического значения и двух словообразовательных значений. Это свидетельствует о том, что аффикс =ғаны относится к сложным словообразовательным аффиксам, так как оба словообразовательных аффикса в его составе сохранили свое значение, и новое словообразовательное значение «название результата действия» равно сумме этих значений «наименование действия» (=ы) + «результат» (=ған) = «наименование результата действия» (=ғаны).

Значит, значение рассматриваемого производного формировалось следующим образом: каза= = 'втыкать, вонзить' + =ған = 'завершенный' + =ы 'то, что ...' = каза=ған=ы 'то, что возникло в результате завершенного действия, названного производящей основой' или 'то, что является следствием завершенного действия, называемого производящей основой', а именно: 'то, что является результатом (следствием) втыкания вонзания', т.е. 'укол'. Естественно, что здесь присутствует еще элемент фразеологизации, так как не каждое «вонзание, втыкание» дает в результате «укол».

Мотивирующее слово помогает правильно определить производящее и тем самым выявить словообразовательный аффикс в том случае, когда производящее и производное имеют одинаковое количество морфем. Сравните, например, ныңнақ 'легкий' и ныңнат= 'облегчать'. В данных родственных словах содержится корень с признаковым значением (ныңнақ

'легкий'), следовательно, производным является глагол, к тому же значение производного шире значения производящего и включает его как составной элемент: 'облегчать' означает 'делать легким'. Следовательно, слово ныңна=т= образовано от ныңнақ путем усечения конечного согласного корня қ и присоединения словообразовательного аффикса =т.

В тюркологии термины «производящая основа», «исходная основа» и «мотивирующая основа» традиционно употребляются для обозначения одного и того же понятия, а именно, первого члена словообразовательной пары, т.е. производящего. На наш взгляд, термин «производящая основа» предпочтительнее использовать как для обозначения производящего слова в единстве двух его планов – плана выражения и плана содержания, так и для обозначения структуры производящей основы, т.е. плана выражения. Для обозначения плана содержания лучше употреблять термин «мотивирующая основа».

Литература

1. Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869. VIII.
2. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка / Н.П. Дыренкова. М.-Л., 1941.
3. Амзоров М.П. Шор тилинің грамматикасы: Грамматика шорского языка / М.П. Амзоров. Новокузнецк, 1992.
4. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992.
5. Чиспияков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка: Учеб. пос. для преподавателей и студентов / Э.Ф. Чиспияков. [Редкол.: Н.Н. Широбокова и др.]. Кемерово, 1992.
6. Чиспиякова Ф.Г. Некоторые особенности в словообразовании в кондомском и мрасском диалектах шорского языка / Ф.Г. Чиспиякова // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды междунар. конф. в 3-х томах. Июнь 9–13, 1992, г. Казань. Том 1. [Редкол.: Э.Р. Тенишев (отв. ред.) и др.]. Казань, 1992.
7. Насилов Д.М. Шор тилинге үргенчабыс. Изучаем шорский язык: Учеб. пос. по шорскому языку для студентов и школьников / Д.М. Насилов, И.В. Шенцова. Кемерово, 1994.
8. Тимонина С.П. Способы выражения значения уменьшительности в мрасском и кондомском диалектах шорского языка / С.П. Тимонина // Языки народов Сибири // Сборник научных трудов. Кемерово, 1980.
9. Тимонина С.П. О некоторых аффиксах имени действующего лица в шорском языке / С.П. Тимонина // Вопр. языка и литературы. Новокузнецк, 1981.
10. Тимонина С.П. Сложные имена в шорском языке / С.П. Тимонина. // Языки и топонимия. Томск, 1976.
11. Тимонина С.П. Сложные имена в шорском языке / С.П. Тимонина // Языки и топонимия. Томск, 1978.
12. Косточаков Г.В. Историко-лингвистические исследования шорской антропонимии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1995.
13. Есипова А.В. Аффиксальное образование имен существительных в шорском языке / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
14. Шенцова И.В. Словообразование в шорском языке: Учеб. пос. / И.В. Шенцова. Новокузнецкий госпединститут: Новокузнецк, 1999.
15. Есипова А.В. Производные на =чы от именных основ в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
16. Есипова А.В. Производные на =чы от глагольных основ в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология. // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
17. Есипова А.В. Образование имен посредством аффикса =чыл в шорском языке. / А.В. Есипова. / Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным стандартом: доклады науч.-практ. конф. в 8 частях. Ч. 8. Тюркология // Сб. научных статей [Редкол.: В.Ф. Курилов (отв. ред.) и др.]. Новокузнецк, 1996.
18. Есипова А.В. Основной вариант и схематическое представление словообразовательного аффикса (на материале шорского языка). / А.В. Есипова. / Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования // Сб. научных статей. Новосибирск, 1998.

19. Есипова А.В. Формы субъективной оценки. / А.В. Есипова / Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. // Сб. научных статей. Новосибирск, 1998.
20. Есипова А.В. Причастная форма на =аачы в тюркских языках Сибири / А.В. Есипова. // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа: доклады науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию А.И. Чудоякова. 26–27 ноября 1998 г. Новокузнецк, 1998.
21. Есипова А.В. Адъективация причастий (на материале шорского языка) / А.В. Есипова // Чтения памяти Э.Ф. Чиспякова (к 70-летию со дня рождения): Мат-лы науч. конф. Новокузнецкого гос. пед. ин-та. Ч. 1. Новокузнецк, 2000.
22. Есипова А.В. О статусе причастных субстантивов / А.В. Есипова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. Преподавание национальных языков: Мат-лы междунар. конф. XXII Дульзоновские чтения. Томск, 2000.
23. Есипова А.В. Механизм выделения словообразовательных и словоизменительных аффиксов / А.В. Есипова. // Становление и развитие науки в Туве. Ч. 1.: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию тувинской письменности. Кызыл, 2000.
24. Есипова А.В. Производные на =лыг в шорском эпическом сказании «Казыр Тоо» / А.В. Есипова, А. Воробьева, Е. Ершова / Язык фольклорного произведения. // Сб. науч. ст. Новокузнецк, 2003.
25. Esipova. A. Shor participles of transition into another state. / A. Esipova. // *Turkic Languages (scientific journal)*, Nr. 4, Heft 2. Wiesbaden, 2000.
26. Esipova. A. Shor-Tyrkish parallels in derivation: Derivatives with –çi. / A. Esipova. // ICTL-2000: X. Uluslararası Türk Kurultayı (Tenth International Conferens on Turkish Linguistics) 16-18 Ağustos, 2000. ÖZETLER ABSTRACS. Istanbul: Boğaziçi Üniversitesi Batı Dilleri ve Bölümü DİL UYGAR Merkezi, 2000.X

Принятые сокращения

АЛ – Арбачакова Любовь Никитовна – информант.

М.В. Филимонов

ПРИЧАСТНЫЕ СУФФИКСЫ В ПРОТОЕНИСЕЙСКОМ

Томский государственный педагогический университет

Как справедливо отметил Г.К. Вернер: «Выделение именных форм глагола в традиционном их понимании – инфинитив, причастие, деепричастие – оказалось в отношении енисейских языков проблематичным» [1, с. 7]. Все неличные формы глагола объединяются обычно под одним термином «инфинитив» [2, с. 464–485; 3; 1; 4, с. 175–181; 5; 6, с. 205], при этом оговаривается, что енисейскому инфинитиву свойственны широкие функции, сближающие его с причастием, герундием, супином. М.А. Кастрен использовал термин *Nomen verbale* в отношении коттского глагола [7, с. 104]. По этой причине в существующих исследованиях по енисейским языкам категория причастия специально почти не изучалась, исключение составляет только суффикс *s/si* субстантивированных причастий [4, с. 175; 8, с. 82–83; 9, с. 9] (вариант *-si*, возможно, имеет особое местоименно-предикативное происхождение с учетом существования варианта *-su/-so*, ср. ар. *berek sas-šu* «дурен», асс. (кан.) *hon-šu* «темно»); кроме того, существовали особые локативно-генитивно-предикативные суффиксы *-s* и *-se*, ср. кот. *an-še* «мой» при *aŋ* «я», кет. *ul-s* «большой водоем», досл. «воду имеющий», «с водой» (эти вопросы заслуживают специального исследования по грамматической омонимии). Основные результаты в изучении причастия в енисейских языках можно свести к не-

скольким положениям: 1) в кет. и юг. установлено существование суффикса субстантивированных причастий *-s/si* (ср. кет. *i*: «точить», *i:s'* «точащий, наточенный»), причем вариант *še/ši* есть и в коттском, ср. *urki* «мыть», *urki-še* «мыло», *fatai* «взвешивать», *fatai-še/fatai-ši* «безмен»; 2) в енисейских языках в атрибутивно-причастной функции используется инфинитив, ср. кет. *inej ket* «нюющий/ворчливый человек»; 3) в кот. языке М.А. Кастреном отмечены пассивные причастия, образованные от форм прошедшего времени [7, с. 139–140], однако синтаксические примеры не представлены; 4) в кот. языке форма 3-го лица претерита глаголов может иметь адъективно-причастное значение, напр., *onka* «мертвый/умерший», *mapari* «созревший; это созрело» [7, с. 39]. Идентичная ситуация в кет. и юг. языках: юг. *ku:l'dobind'ou ket* «побритый человек», *us'nintet' a?x* «расколотые дрова» [10, с. 156], ср. еще ар. *inqo* «мертвый», букв. «умерший», *intoro* «мерзок», букв. «мерзлый, замерзший».

Особо следует остановиться на работе Л.Е. Виноградовой [11]. В ней сделана попытка установить претеритное происхождение некоторых существительных кет. языка (фактически работа посвящена обоснованию причастно-субстантивированного происхождения некоторых кет. существительных, что логически оправдано, так как в кот.